

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ РОМАНЫ
ДАРЬИ ДЕЗОМБРЕ:

ПРИЗРАК НЕБЕСНОГО
ИЕРУСАЛИМА

ПОРТРЕТ
МЕРТВОЙ НАТУРЩИЦЫ

ТАЙНА ГОЛЛАНДСКИХ
ИЗРАЗЦОВ

ОШИБКА ТВОРЦА

ТЕНИ СТАРОЙ
КВАРТИРЫ

СЕТЬ ПТИЦЕЛОВА

ДОЧЬ ПОЭТА

ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

ДАРЬЯ
ДЕЗОМБРЕ

ДОМ,
МИЛЫЙ ДОМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *О. Фатиховой*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Дезомбре, Дарья.

Д26 Дом, милый дом: сборник рассказов / Дарья Дезомбре. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-251851-5

Самые опасные иллюзии — те, которые мы выбираем сами. И у каждой из них есть цена. Иногда — собственная жизнь.

Заботливая мать. Влюблённый жених. Участливый врач. Преданная невестка. Никому из них нельзя доверять до конца. А самые трагические истории часто происходят в обычных, казалось бы, декорациях: дачный участок, палата дома престарелых, малогабаритная квартира.

Обоняние, чувствующее ложь и приближение смерти. «Умный дом», который мстит за хозяйку. Детский рисунок, что помнит больше, чем говорит... Так правда настигает нас через несущественную деталь и разрушает навсегда.

Девять историй в жанре психологического триллера о том, как легко перепутать жертву с палачом, если оба сидят с тобой за одним столом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251851-5

© Фоминых Д.В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ДОМ,
МИЛЫЙ ДОМ

31 августа

Доктор Соколовская наказала мне каждый день писать дневник. Говорит, это поможет фиксировать факты и моменты жизни. Но предупреждает: чрезмерно увлекаться перепроверкой событий в своей памяти не стоит — того и гляди увеличится тревожность и возникнут сомнения в реальности. Ха-ха... Сомнения в реальности... Моя реальность такова, что сомневаться в ней — одно удовольствие. Вся моя жизнь последнее время — про то, насколько реальность не соответствует нашим о ней представлениям. Это же удивительно. Все не так, как кажется, все — сплошная матрица.

2 сентября

Решила написать психотерапевту, что не могу продолжать наши встречи. Нет денег. Деньги — это железобетонный аргумент. На самом деле деньги (в отличие от мозгов) у меня еще имеются, пусть их и осталось мало. Дело в другом: я знаю, она не одобрит того, что я собираюсь

сделать, начнет меня отговаривать. Так и вижу ее, серьезную донельзя, в кресле напротив: «Вы застреваете в травматичном паттерне, Лиза! И вся терапия насмарку». Ну, не вся. Вот, например, дневник. Его я продолжу вести. В честь докторов Юнга и Фрейда. И доктора Соколовской. Да и просто — чтобы иногда проверять, до какой степени сошла с ума.

5 сентября

Как я и подозревала, с наступлением осени цены на съем резко упали. Мне достался отличный теплый дом с удобствами. Я сказала хозяйке, что буду платить понедельно. Неизвестно же, насколько я проникнусь деревенской жизнью. Пока мне нравится. В саду потихоньку догнивают августовские астры. Если выйти с дачи и пойти в сторону озера, то вскоре старая песчаная дорога пересечется с новой асфальтовой.

А оттуда уже рукой подать до элитного поселка «Озерный рай» с бдящим на воротах охранником Сережей. Его мы беспокоить не станем, все-таки Андрей не зря выбил нам самый престижный «двойной» участок с краю. По выступающим на полметра от берега корням можно обогнуть стену и пробраться на территорию. Жаль, сентябрьский дождь льет уже неделю — никаких тебе надежд на бабье лето, — корни стали склизкими, не хватало еще сверзиться в воду и потонуть от стыда на озерном мелководье... Я хвата-

юсь за ветви, иглы царапают руки, и, наконец благополучно перебравшись на ту сторону, выдыхаю.

Вот я и дома.

9 сентября

Следить за кем-то не так уж и сложно. В высоких стеклянных стенах дома отражается лес — при определенном освещении он становится зеркалом, умножает сосновые стволы и небо, растворяется в пространстве. Его нет — и меня будто нет. Но он есть — и я есть, просто скрючилась в глухих жасминовых зарослях. Сразу за кустами раньше торчало засохшее дерево. Оно загораживало вид на озеро, и я приказала садовнику его спилить. А вот пенек выкорчевать не успела. Теперь он служит мне идеальным опорным пунктом.

Видела бы меня сейчас моя психотерапевт: новые сапоги и рюкзак с термосом и бутербродами, непромокаемая куртка цвета хаки. Я окончательно мимикрирую под пейзаж. Ближе к вечеру свет перестает отражаться в прозрачных стенах — и дом выступает из небытия, будто проявляется в сумерках. Через прореху в ветвях становятся видны его внутренности — люстра яркого муранского стекла над простым, с виду деревенским, а на самом деле дизайнерским столом. Идеально чистая открытая кухня. Дважды в неделю сюда приходит для уборки женщина

с тяжелым лицом. Очевидно, Полина (заставляю я себя артикулировать ненавистное имя, ее зовут Полина) не признает тряпок и пылесосов. И правильно делает. Слышится пиканье ворот. Это с другой стороны дома въезжает в гараж муж Полины. Сейчас она спустится встретить его... Еще пара минут — и вот они входят в столовую. Одной рукой он прижимает ее к себе, другой ставит на стол крафтовый пакет из ресторана (готовить Полина тоже не любит). Они смеются, вместе раскладывают еду по тарелкам, он достает бутылку вина, они садятся на барные стулья вокруг кухонного островка. Она кормит его какой-то экзотикой с палочек. Он целует ее, пригубив вина. На меня начинает капать. Жаль, что я не могу слышать, о чем они говорят, но их смех и расслабленные позы очень красноречивы.

Внезапно он встает и подходит к окну. Я сжимаюсь, смешиваюсь с тенью, забываю дышать. Что-то почувствовал? Да нет, просто не любит темноту за окном. Медленно, как театральные занавес, закрываются бежевые шторы. Я выдыхаю, смахиваю с ледяного носа дождевую каплю.

Спектакль окончен.

10 сентября

Конечно, я простыла. Там, рядом с домом, я забываю и о ледяных ногах, и о мокрых штанах. Но на следующее утро тело мстит мне — все болит, меня то и дело сотрясает озноб. Лечиться

мне тут нечем — разве что горячим чаем с лимоном, в который я понемногу добавляю дешевый коньяк из ближайшего супермаркета. С коньяком болеть не так грустно, но то и дело, выныривая из ватной пустоты между сном и бодрствованием, я проверяю мое любимое приложение.

Котел включен: 06:43 рт, главная дверь открыта пользователем admin, порог влажности в ванной превышен. Вентиляция включена.

Для кого-то это просто набор технической информации. Но не для меня. Я шепчу: он сегодня вернулся рано. Видно, торопился к возлюбленной. Кто-то стоял под душем. Он принимает его по утрам. Значит, Полина. Выходит из ванной комнаты, завернувшись лишь в полотенце, темные влажные волосы рассыпаны по спине...

Я отбрасываю телефон. Дура! Тебе бы писать эротические романы. Впрочем, что я знаю об эротике? Полинин муж был моим первым и последним мужчиной.

11 сентября

Когда мне было двадцать, папа умер, в одночасье. Все говорили — какая легкая, быстрая смерть. Повезло! Ну, это как сказать. Прах пришлось забирать мне, мама после похорон впала в подобие кататонии и едва реагировала на внешний мир. Я взяла с собой крепкий полиэтиленовый пакет из супермаркета. И одноклассника Андрея.

Он хотел позвать девушку в кино, но у девушки, ха-ха, были другие планы на вечер. Помню, как невыносимо долго мы сидели в ожидании урны в мрачном коридоре крематория. А на обратном пути маршрутки все не было, Андрей снимал с меня по очереди то один, то другой сапог, растирал оледеневшие ступни. И все равно мы вернулись домой замерзшие, как цуцки. Оставив пакет с прахом отца на полу в прихожей, он побегал набирать мне ванну, вымыл меня там, как ребенка. Я не сопротивлялась — на стыд уже не оставалось душевных сил. Когда я засыпала, подоткнул одеяло вокруг и признался в любви.

12 сентября

Что-то мне совсем нехорошо. Бьюсь в кашле, как эпилептик. Но сил вставать и снова греть чайник нет. Просто долью себе в чашку коньяка. Так вот. Первые годы брака муж был для меня «опекающей родительской фигурой». Жаль, что тогда рядом со мной не оказалось доктора Соколовской, чтобы объяснить: взрослый мужчина не может испытывать к взрослой женщине безусловной любви. На это способны лишь родители — к детям. Да и то не все.

Так каковы же были условия? — спрашиваю я себя. И сама же отвечаю. Все просто: раньше он был молод и беден, заперт в своем техническом вузе, как в монастыре. Я казалась ему красавицей, хотя бы за отсутствием выбора. А потом он вы-

шел в большой мир с настоящими красавицами и сам стал богачом — а значит, с доступом к намного более привлекательному, чем стареющая жена, ресурсу.

Я, кряхтя, тянусь за отброшенным телефоном, чтобы поставить заряжаться. И не выдерживаю — вновь вхожу в приложение.

Свет в гостиной выключен: 23:11. Температура в спальне: 18.2 °C — обогрев отключен.

Значит, он все еще спит в холоде, как я привыкла. «Тебе тоже придется привыкать, дорогая Поля, — шепчу я. — А если замерзнешь — прижмись к нему покрепче».

18 сентября

Сегодня я решила съездить в город. Во-первых, проверить квартиру. Во-вторых, так получилось. Ладно, признаюсь. Я собиралась затовариться в ближайшем к поселку большом супермаркете, но уже на шоссе заметила голубую машинку-мини. Номер 777. Стильное авто для стильной девушки, не обремененной детьми. Дорогой подарок. Впрочем, он вообще у меня не жадный. Сейф в нашей городской квартире едва вмещает бархатные футляры. В основном антиквариат. Раньше Андрей развлекался европейскими аукционами, на которых обедневшая ноблесс¹ распродавала семейные

¹ Ноблесс (от *фр. noblesse*) — «дворянство», «знать», «аристократия».

реликвии. Браслеты, серьги, броши. Предпочитал стиль ар-деко — черная эмаль, россыпь бриллиантов, гравированные изумруды.

— Сейчас разве так умеют? — Он торжественно вручал мне очередной презент. Подруги — тогда у меня еще были подруги — завистливо цокали языком, передавали из рук в руки тяжелых пантер и жар-птиц. Сумасшедшая красота!

— Вот! — торжествуяюще восклицал он, когда браслет или брошь, сделав полный круг, оказывались вновь в его руках. — А Лизе не нравится!

Все поворачивали ко мне шокированные лица, и мне приходилось с извиняющейся улыбкой раз за разом пояснять, что мой стиль жизни совершенно не предполагает ношение пантер чаще одного раза в год. Что тяжелые серьги оттягивают уши и у меня начинает болеть голова. А броши носит Мадлен Олбрайт, а я — нет. Я люблю серебро, которое могу таскать каждый день, мыть в нем посуду и готовить еду, не переживая, если потеряю. Но стоило мне заикнуться об этом, как лицо у Андрея вытягивалось, а на лицах подружек читалось: неблагодарная ты тварь.

18 сентября, вечер

Все-таки однажды подруга меня защитила. Мы как раз съездили на Рождество на Мальдивы. Андрей демонстрировал гостям фото на телефоне — разноцветные рыбы в воде, огромные

рыбы на гриле, йога на закате, личный бассейн при бунгало...

Не реагируя на охи и ахи, я молча собирала со стола грязную посуду. Я в тот год мечтала поехать к сыну в Англию. Андрей настоял на его обучении в закрытом частном пансионе: ребенку все самое лучшее. «Его ждут Кембридж и Оксфорд, черт возьми! Оторви уже парня от своей юбки, не будь эгоисткой, Лиза!» А я знала, что мой Колька чувствовал себя там очень одиноко, и мечтала просто обнять его. Просто прижать к себе и попытаться напитать своим теплом на ближайшие полгода. До летних каникул. Но нет. Мне достались дайвинг и волшебный загар. И алкоголь каждый вечер, чтобы смириться с разочарованием.

Андрей тогда заметил, смеясь: вот, полюбуйтесь, везу ее на Мальдивы, а она еще и недовольна! Нет, ну кому рассказать! Машка в этот момент повернулась к нему, отодвинув телефон с красивыми фото, — Машка, нищая некрасивая Машка, ушедшая преподавать после окончания вуза информатику в школу! — и спросила: «Так зачем ты повез ее на Мальдивы, если она хотела к Кольке?» За столом наступило молчание: то самое, неловкое. Андрей не проронил ни слова, а после ужина сказал, что зависть — плохое чувство. «Машке-то твоей ни Мальдивы, ни пансион для детей в Англии... да что там — дети как таковые при ее внешности не светят...» И с тех пор